

УДК 94 (575.2) (04)

МЕСТО И РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

А.М. Тургунбаева – соискатель

The article disclosed the place and role of language policy in the cultural revolution in Kyrgyzstan.

Для партии большевиков вопрос о национальных языках явился одним из основных в программных концепциях. Разработке положений вопроса о национальных языках как части национального вопроса в целом уделялось ими особое внимание. Наряду с такими вопросами, как вопрос о власти или аграрный, национальный вопрос был одним из тех вопросов, с помощью которого можно было вести политическую борьбу и завоевывать симпатии масс, и большевики хорошо понимали это.

После завоевания большевиками власти перед ними встал вопрос о государственном языке. Языковая политика была одним из важнейших аспектов национально-культурного строительства первых лет советской власти. Она включала в себя реализацию провозглашенных принципов равноправия и разработку процесса языкового строительства. В условиях многонационального государства многим казалось целесообразным сохранение государственного русского языка для ведения организационной и разъяснительной работы среди народа. Однако большевики самым категорическим образом отказались от такой политики, справедливо полагая, что она мало чем отличалась бы от политики царизма.

В Туркестанской республике государственным языком было решено считать тюркский, варьирующий во всех наречиях. Наряду с основным тюркским, государственным языком оставался русский. Право выбора языка для изучения в школах оставалось за населе-

нием во всех республиках, что фиксировалось в Конституции. В школах первой ступени обучение оставалось на родном языке, а в школах второй ступени уже в качестве предметов вводились для изучения государственные языки, в целом же обучение оставалось на родном языке учащихся.

А. Ненароков, описывая начало осуществления языковой политики новой власти, писал: "...Во всех партийных и государственных документах того времени равенство языков означало признание роли национальных языков в развитии и укреплении советской государственности в национальных районах в формах, соответствующих национально-бытовым условиям, в создании и укреплении действующих на родном языке органов власти, хозяйственного управления, административных и судебных учреждений, школ, профессионально-технических училищ и техникумов, вузов, прессы, театра, клубов – всей культурно-просветительской сети, в подготовке местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников и главное работников просвещения" [1, 3].

После национального размежевания республик Средней Азии в осуществлении программ культурной революции начинается новый этап. Одна из его особенностей заключалась в том, что если на первом этапе метод вовлечения населения в ликбезы носил добровольно-демократический характер, то на новом этапе он принял обязательно-принуди-

тельную форму. На наш взгляд, в этом со стороны партии проявлялась необоснованная спешка, отсутствие реальной оценки текущих условий. Так, безосновательно принимаются различные решения и постановления о ликвидации неграмотности в рекордно короткие сроки, как правило, приуроченные к юбилейным революционным датам. Другой характерной особенностью этого этапа явилось то, что в целях ускорения темпов развития народного образования был поставлен и решался вопрос о реформе алфавита.

Исследования показали, что необходимость реформы обосновывалась несколькими причинами, а именно:

- арабский алфавит был крайне слабо приспособлен к кыргызскому языку, арабская графика имеет лишь три начертания гласных, в то время как в кыргызском таких гласных вместе с их удвоенными формами набирается четырнадцать;
- арабские буквы, имеющие по три разных начертания в начале, середине и конце слова, а также надстрочные и подстрочные знаки, невероятно трудно запоминались, на их усвоение уходило очень много времени;
- "... старый арабский алфавит не отвечал особенностям фонетики кыргызского языка: во-первых, в нем не было некоторых букв, соответствующих знакам кыргызского языка; во-вторых, были избыточные буквы, не нужные для киргизской фонетики" [2, 44].

С 1924 г. в Кыргызстане начали пользоваться реформированным арабским алфавитом, однако и он оказался слабо приспособленным к кыргызскому языку, и его применение не решило проблемы борьбы с неграмотностью. "Реформированный арабский алфавит, – писал профессор И.А. Батманов, – в принципе мало чем отличался от дореформенного" [3, 85]. Справедливо будет отметить, что на реформированном арабском алфавите печатались первые кыргызские газеты, журналы и книги, на нем обучались дети и ликвидировали свою неграмотность взрослые. Считаем, что, несмотря на недостатки, он сыграл положительную роль для своего времени и был первым этапом в истории становления и развития кыргызской национальной письменности.

Источники изобилуют информацией, что арабская графика была неудобна и в типографском деле. А ведь в те, насыщенные событиями, первые годы существования новой власти, печатное слово играло немаловажную роль в деле агитации и пропаганды идей большевистской революции. Сложность арабского шрифта затрудняла выпуск газет, прокламаций, учебников и т.п. "В первый же год употребления арабского алфавита киргизские трудящиеся убедились в том, что арабский алфавит, какой технической реформе не подвергали бы его, абсолютно негоден быть классовым орудием в руках трудящихся и неспособен выполнить возлагаемый на него революционный долг" [4, 189].

Еще одной причиной проведения языковой реформы в первые годы советской власти явилось также то обстоятельство, что арабский язык считался языком духовенства, религии, "...он, как алфавит Корана, еще оставался на службе у байства, манапства и духовенства, как орудие против интересов трудящихся..." [4, 190]. Зарождающейся тоталитарной системе, проводившей политику национального размежевания, воздвигающей барьеры на пути интеграционных процессов тюркоязычных народов под эгидой Турции такой алфавит был не нужен. То есть, мы видим, что реформа алфавита была обусловлена не столько культурными, сколько политическими причинами.

25–27 мая 1925 г. в Пишпеке прошел Первый научно-педагогический съезд Киргизской автономной области. Накануне съезда было созвано "особое совещание ответственных работников, вызванное имевшими место перед этим дискуссиями, предметом занятий его было выяснение политических моментов поставить ли на съезде вопрос о переходе с арабского на другой, более усовершенствованный алфавит" [4, 190–191]. Совещание приняло решение о целесообразности и своевременности постановки данного вопроса на съезде, а также о прекращении дальнейшей реформы арабского алфавита. Поставить на съезде вопрос о новой реформе алфавита поручалось Касьму Тыныстанову. В феврале-марте 1926 г. в г. Баку прошел Первый Всесоюзный тюркологический съезд, который также признал необходимым и своевременным шаг по замене

арабского алфавита единым алфавитом на латинской основе для всех тюркских языков. Решением этого съезда был создан Центральный комитет Нового тюркского алфавита, который затем был преобразован во Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита.

Однако непредвзятый взгляд на наше историческое прошлое позволяет нам констатировать, что при всей огромной, поистине революционной и в целом позитивной роли нового алфавита в развитии культуры Кыргызстана, время выявило и негативные стороны этого процесса.

Новый алфавит казался чужим значительной массе верующих мусульман и создавал некоторый культурно-исторический разрыв между прошлым и настоящим, делал “немыми” произведения дореволюционной среднеазиатской литературы и науки для молодежи, которая стала обучаться новому алфавиту, и вынуждена была читать лишь то, что официально разрешалось переводить с одного алфавита на другой. Тем самым утрачивалась связь со старыми культурными традициями, которая не восстановлена полностью и сегодня.

Реформа алфавита 20-х гг. XX в. была не последней в истории кыргызского народа. Скоро после окончательной ликвидации арабского алфавита назрела необходимость реформирования и латинизированного алфавита, так как и он, имея ряд преимуществ перед арабским, все же имел и существенные недостатки. В конце 30-х гг. Сталин отказался от ставки на мировую революцию. В связи с общим изменением взглядов руководителя СССР изменилась и национально-языковая политика, переставшая удовлетворять советское правительство, которое приступило к реализации плана ускоренного сближения и слияния народов в “единую советскую нацию”. С 1932–1933 гг. кампания по латинизации пошла на убыль, а в 1936-м начался процесс перевода языков на кириллицу. В газетах появились многочисленные письма-обращения рабочих и колхозников, заявляющих, что латиница им не подходит и выражающих желание перейти на кириллицу. Партия пошла навстречу пожеланиям трудящихся и в 1940 г. Киргизская ССР (а также большинство других национальных образований) в очередной раз сменила письменность.

Можно с уверенностью утверждать, что необходимость новой реформы алфавита была скорее политической, нежели грамматической. Дело в том, что учащимся приходилось изучать два алфавита одновременно – латинский и кириллицу, которые имели ряд одинаковых графем. В период латиницы неразрешимой проблемой оказалось правописание некоторых заимствованных из русского языка слов. Новая власть посчитала, что латинский алфавит “препятствует” изучению тюркоязычными народами русского языка, а в период усиления тоталитарной системы этого было достаточно, чтобы начать новую реформу алфавита. Немаловажным в понимании данного решения считается и тот факт, что к латинской группе языков принадлежали страны извечных идейных врагов коммунистов – страны Западной Европы, которые в рамках “Большой игры” уже давно рассматривали Среднюю Азию сферой своих жизненно важных интересов и оказывали всяческое содействие – как материальное, так и идеологическое – противникам советской власти.

Со второй половины 30-х гг. “...примерно через пять-шесть лет после окончательного перехода тюркоязычных народов СССР на латинский алфавит, начинается их массовый переход на алфавиты, базирующиеся на русской графической основе” [5, 27]. В Кыргызстане вопрос о новой реформе алфавита рассматривался на сессии Верховного Совета республики в декабре 1940 г.

Однако переход на новый алфавит тоже прошел не совсем гладко и тому были свои объективные причины. Споры вокруг данной проблемы не утихают и по сей день, и суть аргументов против применения кириллицы состоит в том, что при переводе на нее кыргызского алфавита были введены чуждые кыргызскому языку буквы “е”, “ё”, “ю”, “я”, “в”, “у”, “щ”, “ф”, мягкий и твердый знаки, искажившие созвучие между грамматикой и фонетикой языка. Это было сделано для того, чтобы хлынувшие в то время в кыргызский язык неологизмы писались и произносились по правилам русской орфографии и орфоэпии. Естественно, что такое административное давление на структуру языка не могло не вызвать беспокойства определенной части ученых респуб-

лики, справедливо полагавших, что оно может нанести непоправимый урон самобытности языка. Дополнительным следствием частых смен алфавита стало то, что неграмотность населения пришлось ликвидировать по несколько раз, поскольку научившиеся читать и писать на арабской графике с переходом на латиницу снова оказывались неграмотными, что повторилось и после перехода на кириллицу.

Вопрос и сегодня остается открытым, аргументация сторон известна, но, видимо, объективные предпосылки новой реформы алфавита еще не созрели. Тем поучительнее будет для нас опыт суверенного Узбекистана – страны, обладающей куда более значительными ресурсами и численностью населения, где обратный переход на латиницу длится уже более пятнадцати лет и выявляет все новые и новые труднопреодолимые сложности как материального, так и духовного плана. Вот что пишет по этому поводу узбекский исследователь О. Шарифов: «...Узбекистан оказывается перед дилеммой: если продолжать переход на латиницу, то страна потеряет научно-образовательную базу, накопленную в течение десятков лет. Если же опять вернуться к кириллице, то возникает вопрос: что делать со вчерашними и нынешними школьниками? Переучивать? Одним словом, получается ситуация, которая в

шахматах называется “цугцванг”: любой ход ведет к ухудшению позиции. В этой связи уместно вспомнить о том, что еще в 1926 г. на тюркологическом съезде в Баку профессор Н.Ф. Яковлев предупреждал: “Легкость проведения латинского алфавита обратно пропорциональна развитию национальной письменности, то есть, чем больше было уже до введения латинского алфавита грамотных, тем труднее провести латинский алфавит” [6].

Литература

1. *Ненароков А.П.* Из опыта национальной языковой политики первых лет Советской власти // История СССР. – 1990. – №2.
2. *Сартбаев К.К.* Языковедение в Киргизии: Краткий очерк. – Фрунзе: Илим, 1985.
3. *Абдуллаев Э.* Роль киргизского литературного языка в общественной жизни // Коммунист Киргизстана. – 1984. – № 12.
4. *Тыныстанов К.* Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии (Сжатый исторический очерк) // Литературный Киргизстан. – 1991. – №9–10.
5. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. – Т. I. – Кн. 2. – М.: Наука, 1969.
6. *Шарифов О.* Латинизация алфавита. Узбекский опыт. <http://sngnews.ru/articles/7/74368.html>